

Каптерев Н.Ф., 1909 г.

Глава VI. Исправление церковно-богослужебных книг при патриархе Никоне

Взгляд русских на печатные греческие книги, как на испорченные еретиками. Исправление книг при Никоне происходило по греческим венецианским печатным изданиям, которые однако проверялись и переделывались с помощью старых рукописных славянских и греческих книг. Арсений грек, как книжный справщик при Никоне. Личное участие Никона в книжных исправлениях. Никон лично признавал исправление книг только по древним славянским и древним греческим и верил, что так именно при нем книги и исправлялись. В исправлении самого текста книг Никон не принимал участия по незнанию греческого языка. Признание Никоном старых и новых служебников одинаково добрыми и что можно служить по тем и другим. Полное охлаждение Никона, после оставления им патриаршей кафедры, к своей предшествующей церковно-реформаторской грекофильской деятельности.

На ряду с церковно-обрядовою реформой Никон производил и другую реформу — пересмотр и исправление наших церковно-богослужебных книг с греческих. Мы знаем, что благодаря государю и Стефану Вонифатьевичу у нас уже стали, под конец патриаршества Иосифа, исправлять некоторые книги и с греческих, как исправлялся, например, в 1650 году Шестоднев. Но тогда это новое у нас дело — исправление богослужебных книг с греческих, только еще начиналось, налаживалось, а теперь, при Никоне, оно должно было вестись широко и энергично, даже с прямой заменой во многом старых богослужебных книг новыми переводами с греческих подлинников. Но на этом пути, как и при исправлении обряда, Никону пришлось встретиться со многими затруднениями и препятствиями. Прежде всего Никону пришлось бороться с сильно распространенным у русских предубеждением и недоверием ко всем греческим книгам вообще. У русских сложилось сказание, что будто бы все греческие книги, при завоевании Константинополя, были отобраны у греков латинянами и сожжены ими. После этого греческие книги напечатаны были вновь в латинских странах, продолжают там печататься и доселе, причем латиняне переправляют их на свой лад, и уже в переделанном виде продают их грекам, так как у греков в Константинополе, и вообще в турецкой империи, не было и нет своей собственной типографии, в которой бы они могли печатать свои книги в неиспорченном виде. [Русские однако не знали того очень важного обстоятельства, что в латинской Венеции в то время жило очень много православных греков, которые имели свои церкви, свой православный клир и свои православные типографии, в которых они, т. е. православные венецианские греки, и печатали свои церковные книги. Значит, хотя греческие книги и печатались в латинской Венеции, но печатались православными

греками и в их собственных типографиях. Конечно, были и исключения, почему в то время и в самой Греции к венецианским греческим изданиям относились с осторожностью.] Сами греки подтверждали справедливость подозрений русских к греческим книгам, напечатанным в иноверных землях. В этом отношении особенно замечательна челобитная палеопатрасского митрополита Феофана, поданная им в Москве государю в 1645 году, после того как он исполнил поручение константинопольского патриарха и собора, которые, собственно, и послали его в Москву. В своей челобитной Феофан пишет: «буди ведомо, державный царю, что велие есть ныне безсилие во всем роде православных христиан и борения от еретиков, потому что имеют папежи и лютори греческую печать, и печатают повседневно богословные книги святых отец, и в тех книгах вмещают лютое зелие — поганую свою ересь. И клепят святых и богоносных отец, что будто пишут но их обычаю, и тое есть нестаточно, потому что ныне есть древния книги и библии харатейные рукописьмены и благословение святых отец в монастырех во святой гори Афонской и в иных древних монастырех, и по тем библиям и книгам объявляетца их лукавство. Посем ныне они, которые книги печатали и составили по своему обычаю и вымыслу, теми же книгами они борются в странах, а где древних библий нет, и опаясаются орудием нашим, и являются они мужественны, и стреляют на нас нашими стрелами. И то чинитца, державный царю, для того, что турки не поволят нам печатать книги в Царьград, понежен немцы, которые пребывают в Царьград, мешают от зависти своей, и осиливают они своею мздою... Сердцевидец есть Господь свидетель, что велие веселие и радость восприяла душа моя, что Бог сподобил меня и видел такова православного царя и благочестие велие, и вспомянул смуты, что имеют христиане от еретиков и смущаются многие в умах, прочитаючи тех составленных книг. и надеются, что такое есть составление святых отец и падают в прелесть их и погибают... Да повелиши, пишет далее Феофан царю, быть греческой печати (в Москве) и приехать греческому учителю учить русских людей философия и богословия греческого языка и по русскому, тогда будут переводить многие книги греческие на русский язык, которые не переведены, и будет великое надобе на обе стороны и великая доброта, да и гречане освободятца от лукавства еретиков, да исполнятца во всем мире православные христианские книги, и не будет нужды (пользоваться) темисоставленными римскими и люторскими книгами; *здесь исполнятца древние книги, будут их печатать и переводить на русский язык прямо, подлинно и благочестиво*, и тогда будет великая радость во всем мир и во всем народ христианском, и прославитца великое имя царствия вашего по всей вселенной, но и паки — Птоломея царя».

В виду подобных заявлений самих греков о порче печатных книг со стороны латинян и лютеран, о том, что настоящие неиспорченные греческие книги могут теперь печататься только в православной Москве, где должна быть открыта греческая типография, и для обучения Русских устроено греческое училище, — вполне естественно было, что многие русские не считали возможным пользоваться греческими печатными книгами, а тем более исправлять по ним русские книги. Это бы значило, думали русские, не исправлять наши церковные книги, а заведомо портить их, значило бы вводить в них те ереси, какие латиняне внесли в напечатанные у них греческие книги. Если же русские и принимали

греческие печатные книги, то только те, с которых существовали старые славянские переводы, и признавали их опять-таки настолько, насколько они согласны были с этими переводами, все же несогласное в них со старыми переводами отрицалось, как позднейшая латинская переделка. Вполне точно и определенно этот взгляд русских на греческие печатные книги был выражен игуменом Ильёю и Онисимовым во время их собеседования с Лаврентием Зизанием. На замечание Зизания: «да у вас греческих правил нет», Илья и Онисимов говорили: «всех греческих старых переводов добрых, правила у нас есть, а новых переводов греческого языка и всяких книг не приемлем, потому что греки живут ныне в теснотах великих между неверными, и по своим волям печати им книг своих не иметь, и для того вводят иные веры в переводы греческого языка, что хотят. И нам таких новых переводов греческих ненадобно, хотя что и есть в них от нового обычая напечатано, и мы тот новый ввод не приемлем». На замечание Зизания: «да откуда у вас взялись греческие правила?» собеседники ответили ему: «Киприан митрополит киевский и всея Руси, егда прииде из Константина града в русскую митрополию, и тогда с собою привез правильные книги христианского закона греческого языка и перевел их на славянский язык, Божию милостию пребывают и доныне без всяких смутков и прикладов новых вводов, да и многие книги греческого языка есть у нас старых переводов, а ныне к нам которые книги выходят печатные греческого языка и будет сойдутся с старыми переводами, и мы их приемлем и любим; а будет в них приложено ново, и мы тех не приемлем, хотя они и греческим языком тиснуты, потому что греки живут ныне в великих теснотах в неверных странах, и печатати им по своему обычаю невозможно». Таким образом русские, годность или негодность своих церковных книг, определяли вовсе не их сходством с греческими печатными книгами, а как раз наоборот: годность или негодность греческих печатных книг определяли сходством или несходством их с русскими книгами, не русское проверялось греческим, а греческое русским.

Понятно из сказанного, с каким предубеждением должно было встретить большинство русских стремление Никона исправлять наши церковно-богослужебные книги с греческих, особенно печатных, с какими трудностями и препятствиями ему пришлось бороться. Правда, лучшие люди, еще в времена патриаршества Иосифа, уже признавали необходимость исправлять наши книги по греческим и даже, как мы видели, делали некоторые попытки в этом роде. Но, во-первых, такте лица представляли из себя даже в самой Москве только очень маленькую группу, совершенно незаметную в массе; во-вторых, совершенные ими исправления с греческих книг сделаны были, как говорится, без всякого шума, незаметно для большой публики, по предметам не бросавшимся в глаза, почему на эти исправления никто и не обратил внимания. Иначе действовал Никон. Он думал исправить все русские церковно-богослужебные книги, причем придал этому делу публичный, торжественный характер, смело и решительно заявив на соборе в слух всех, что все московские церковные книги сильно испорчены разными включенными в них новшествами, почему их необходимо тщательно исправить на основании древних харатейных славянских переводов и греческих. Никон, впрочем, хорошо понимал те затруднения, какие ему придется встретить при исправлении русских книг с греческих, и

потому он приступил к делу исправления книг очень осторожно. Прежде всего Никон постарался собрать как старые славянские переводы, так и старые рукописные греческие книги, каковые не могли подвергнуться порче со стороны иноверцев, и потому не должны были внушать русским никаких опасения и подозрений. Исправление русских богослужебных книг, производимое Никоном, должно было, таким образом, совершиться не по новым греческим книгам, которые печатаются у латинян, почему они и очень подозрительны, а по древним греческим и славянским рукописям, которые никогда и не бывали в руках иноверцев. Произведенное таким способом исправление наших богослужебных книг, никому не должно было, очевидно, внушать опасений, подозрительность, русских должна была успокоиться. Но, к сожалению, этот, так прекрасно задуманный способ исправления книг, на практике оказался совсем неприменимым, почему никоновским книжным справщикам пришлось его окончательно оставить и на деле заменить другим.

Дело в том, что богослужение в христианской церкви, церковные чины и обряды, появились и сложились не вдруг, а мало-помалу, в течении многих веков, причем в различных поместных церквах они всегда были .очень неодинаковы, и даже в одной церкви, в разное время ее существования, были различны, а относительно частностей и подробностей, так продолжалось и после того,, как общие типы церковных служб, чинов и обрядов, в основных своих чертах, уже окончательно определились и получили на практике полную устойчивость.[Что и в русской церкви древние богослужебные списки были неодинаковы, несходны между собою и с последующими, это доказывается следующим: из домонгольского периода до нас дошло два служебника, усвояемые — один Антонию Римлянину (+ 1147 г.), другой Варлааму Хутынскому (приблизительно около 1192 г.). Известный историк русской церкви В. Е. Голубинский по этому поводу замечает: «прежде всего служебники, не смотря на то, что они одной и той же местности и по времени писания отделяются один от другого не слишком большим промежутком времени, если только не совсем современны, далеко несогласны сами между собою. В служебнике Варлаамовом нет некоторых молитв и возглашений, читаемых в Антониевом, и относительно некоторых действий даются предписания, отличные от последнего. Вообще из взаимного сличения служебников ясно, что в период домонгольский у нас существовали литургии в нескольких редакциях и что они представляли большее или меньшее разнообразие» (Ист. рус. церкви, том первый, втор. полов, стр. 307, 303). Относительно разнообразия в богослужебных книгах, существовавшего у нас после монгольского периода, см. сочинение; И. Д. Мансветова: Митрополит Киприан, в его литургической деятельности. Москва 1882 г.] Относительное единообразие, даже в частностях и подробностях церковных служб и обрядов, заявило себя только уже со времени книгопечатания, когда целые выпуски церковных книг стали печататься с одного определенного списка. В виду этого древние рукописные списки церковно-богослужебных книг очень разнообразны, во многом несходны между собою, каждый из них говорить только за то, как совершалось богослужение в то время, к которому относится список, и в той именно церкви, которой он принадлежит. Но если взять богослужение другой поместной церкви за тоже время, то оно окажется во многом

несходным с первым, даже богослужебные списки одной и той же церкви, но взятые за разное время, будут очень различны и несходны между собою, и чем древнее списки, тем больше между ними будет и различия. Понятно отсюда, что исправлять современные богослужебные книги по древним спискам - дело по самому существу своему крайне трудное, требующее продолжительных специальных предварительных изысканий и работ со стороны не одного, а многих лиц, нарочно к тому научно подготовленных, так как каждый древний список всегда будет представлять из себя нечто отличное от другого подобного древнего же списка, а тем более от позднейшего. Из рассмотрения разных древних богослужебных списков можно придти только к тому заключению, что богослужение в разных поместных церквах было всегда очень различно, никогда не было во всем одинаковым даже в одной и той же церкви, за различное время ее существования, что православная церковь всегда допускала и допускает в своих недрах разнообразие в церковных службах, чинах и обрядах, не считает полное, детальное единообразие в них обязательными необходимым условием их единения, если только они, при разности церковного чина и обряда, исповедуют одно и то же учение. Естественно поэтому, что Никон, думавший исправлять русские богослужебные книги по древним греческим и славянским спискам, встретил, или вернее, назначенные им нижние справщики встретили на этом пути неодолимые препятствия, заключающиеся в бесконечном разнообразии древних списков, в их несходстве между собою и с современною практикою, в невозможности привести их к единству и единообразию, без участия в этом дел личного усмотрения, а, в известных случаях, и прямо творчества со стороны книжных справщиков и их руководителя, как это и было в деле книжных исправлений, совершенных киевским митрополитом Петром Могилою. Чтобы выйти из затруднения, справщикам приходилось «становиться или на каком либо одном древнем списке, или на нескольких, относительно однородных. Но и тут затруднение все-таки не уничтожалось. Если держаться одного или нескольких однородных древних богослужебных списков, и на основании их исправить русские книги, то в конце оказалось бы, что исправленные таким образом книги будут, необходимо, значительно и во многом отличны как от современных русских, так и современных греческих книг, и тогда церковно-богослужебная практика русской церкви значительно бы разошлась с русскою непосредственно ей предшествовавшей церковною практикою и с тогдашнею греческою, вследствие чего цель никоновских церковных исправлений — приведение к полному единству русской церковно-богослужебной практики с современною греческою, решительно бы не достигалась. Тогда Никону и его книжным справщикам оставался последний путь, чтобы выйти из затруднения: признать греческую современную церковно-богослужебную практику и греческие печатные книги за норму и образец для исправления русских книг. Так как практика греческой церкви XVII века выработалась на основании более древней, то она, конечно, и находила себе оправдание в известной серии древних списков, что и служило для никоновских справщиков достаточным уверением в том, что они, исправляя русские книги по печатным греческим, действительно восстанавливают на Руси древний церковно-богослужебный чин, так как он, в этом случае, опирается на свидетельство древних списков, вполне подтверждающих правильность и неспорченность греческих печатных богослужебных книг. Таким образом

Никон, взявшись за исправление русских богослужебных книг, естественно и необходимо должен был придти к решению: или отказаться от выполнения этой задачи, или же исправлять русские книги с тогдашних греческих печатных книг. Никон, или вернее, его справщики решили последнее. Но очевидно, что совершенное таким способом исправление русских книг, должно было встретить в значительной части русского общества ряд недоумений, сомнений и даже прямо противодействие, в виду того предубеждения, какое существовало у русских относительно греческих печатных книг, и под влиянием которого даже сам Никон считал возможным исправлять наши книги только по древним славянским рукописям и по греческим.

Что при Никоне наши богослужебные книги исправлялись с печатных греческих венецианских изданий, это хорошо было известно первым противникам реформы Никона. Дьякон Федор пишет в челобитной государю: «а нынешние книги, что посылал покупать Никон патриарх в Грецию, *с коих ныне здесь переводят*, словут греческие, а там печатают те книги под властью богоотступного папы римского в трех градах: в Риме, в Париже и в Венеции, греческим языком, но не по древнему благочестию. Того ради и zde нынешние (переведенные) с старыми несогласны, государь, и велия смута». В другом месте он же говорит: «те прокаженные книги латиногреческие печатные Никон посылал покупать тамо (на востоке), и купил их на многие тысячи сребра. Сам ныне сказа всем во время отречения престола и патриаршества своего, и числом сказа, но аз забых то. *И с тех новогреческих печатных книг печатал он на Москве новых нынешния книги: потому они и несогласны со старыми нашими.* Арсений грек, враг Божий, научил его, Никона, покупать те книги еретические, он *переводил их на наш язык словенский*, и тем они разврат велий сотворили во всей земли Русской по всем церквам». Никита говорит, что в новоисправленных никоновских книгах «все таинственные в миропомазании приглашения нарушены злым еретическим вымыслом, последуя отпадшие веры римскому не православному крещению. *А печатано с книг, иже греческия словут, а печатают их растленно в трех латинских градах: в Риме, и в Париже и в Венеции*». И православные люди, разделявшие предубеждение против греческих печатных книг, сильно соблазнялись тем, что книги при Никоне, исправлялись с греческих венецианских изданий. Вятский епископ Александр, в вопросах, предложенных им собору 1666 года, говорит: «новый требник ни с киевским, ни с прежними нашими московскими согласия не имат. Откуда убо явится истина, зане мы в Венеци печатных книг греческих огребатися должны есмы, и в неволи живущим грекам у латинников и у эллин, обычаев и чинов приимати несмы должны». Русским следует, по его мнению, более держаться своих старых славянских книг, «и тем святым книгам последовати, а не в Венеции печатным от еретик». Но самое обстоятельное известие о том, что книги при Никоне и после его правилась у нас действительно с греческих венецианских изданий принадлежит известному Сильвестру Медведеву, который некоторое время сам был книжным справщиком, и потому имел о книжной справе верные обстоятельные сведения, которые он и сообщает в первой части своего сочинения «Известие истинное православным и показание светлое о новоправлении книжном и о прочем».

Отвечая на вопрос, откуда произошел раскол в русской церкви, Медведев решительно говорит: «ни откуду инуду таковое в Московском царствии в вере православнии сотворися разнствие, точию от новых греческих печатных книг, которые во градех латинския веры и лютерския и кальвинския ереси печатаются, и с греческими древними рукописными книгами не согласуются». В объяснение того, каким образом могло случиться, что наши книги стали исправлять с венецианских греческих изданий, Медведев рассказывает следующее: Никон, решив исправить русские книги, созвал собор в 1654 году, который он и просил, указав предварительно на неисправности московских книг, составить решение: «новым ли московским печатным книгам последовати, в них же многая обретошася нами, от преведших и преписующих я неискусне, с древними же греческими и словенскими несходства и несогласия, явне же рещи погршения — или древним греческим и славянским, иже обои един купно чин и устав показывают, в них же святии Божии человецы и велиции сих творцы восточнии богословцы и учителя — Василий Великий, Григорий Богослов и Иоанн Златоустый, Иоанн Дамаскин, Петр, Алексий, Иона и Филипп московские чудотворцы, и прочии святии поучающесе, Богови угодиша, и нам в пользу нашу незазорны я оставиша, и неврежденны блюсти повелеша?» По поводу этой речи Никона, Медведев делает такое замечание: «внимай, боголюбезный правоверный читателю, прилежно, како zde святейший патриарх Никон древние греческие рукописные и словенские харатейные книги похваляет, и с ними весьма тщится во всем согласное имети; а еже с ними в книгах несогласное, и то, яко новое, отринуты поучает, и чесо ради тако сотворити, и тому причину дает светлую: яко дабы нам всем спасете уллучити — такожде, яко же наши россиястии святии Петр, Алексий, Иона и Филипп московские чудотворцы». — На речь Никона, рассказывает Медведев, собор ответил решением: «достойно и праведно исправити словенские печатные книги противу старых харатейных российских и греческих книг». В силу такого соборного постановления из разных русских книгохранилищ стали собирать в Москву древние славянские книги, переведенные с греческого на славянский язык за 500 лет и больше, а на восток был послан старец Арсений Суханов, чтобы и оттуда привести в Москву старые рукописные греческие и славянская книги». Внимай, читателю, опять замечает по этому поводу Медведев, не о новых греческих у немец печатанных книгах промышление бяше, с которых бы согласную истину древних святых отец познатн, но о древних рукописных», — Когда Сухановым действительно привезены были в Москву очень древние греческие рукописные книги, тогда в Москве снова был созван собор, на котором присутствовали: антиохийский патриарх Макарий и сербский Гавриил. На этом соборе тщательно сличены были древние греческие рукописные книги с древними же рукописными славянскими, и найдены между собою во всем согласными». «Зри, православный читателю», замечает Медведев, «прилежно, как на оном соборе вси рассмотриша наши словенския древния книги со древними греческими рукописными во всем согласны быти, а не с новыми греческими у немец печатными книгами». В виду этого собор решил служебник «и прочия святые книги, в нихже некими от преписующих невниманием погршения обретаются, во всем с древними греческими и славянскими священными книгами, в нихже не едино прегрешение обретається, согласити и исправити узакониша». Но это соборное постановление: исправить русские книги с древних

рукописей греческих и славянских, на практике не было приведено в исполнение, книги в действительности стали править «с новопечатанных греческих у немец», древние же книги греческие и славянские были оставлены. Произошло это, по объяснению Медведева, таким образом: когда собор решил исправить служебник с древних греческих и славянских, тогда «коварнии чловецы, прежде лестными своими словесы прельстиша святейшего Никона патриарха, начата самую ему правду о исправлении книг предлагати, а делом самым ино промышляти. И егда оных человек та хитрость их не познася, оставивше они греческия и славянския древние самыя книги, начаша правити с новопечатных у немец греческих книг. А в сем предисловии книги служебника пишут они, еже ону с древними греческими и словенскими рукописменными достоверно исправиша и во всем согласиша, и народ православный увещают, во еже бы оный той книге, яко достоверной, верили и ни в чесом неусомневались, зане справлена с греческих рукописменных и словенских книг. А та книга служебник правлена не с древних греческих рукописменных и словенских, но снова у немец печатной греческой безсвидетельствованной книги, у нее же и начала несть и где напечатана неведомо. И егда по малых летех, по указу великого государя, ради достоверного книжного свидетельства и справки, был на печатном дворе справщик из Афонския горы архимандрит Дионисий, иже обита в сем царствующем граде Москве в Николаевском греческом монастыре, и той, ону у немец печатную книгу служебник рассмотря, на страницах подписал своею рукою на обличение тоя неправые книги словеса бранные, зде писати неприличные. А та книга и ныне обретается в книгохранительнице на печатном дворе. И которой служебник печатан и после сего в лето 7166, а в нем напечатано о святей литургии, яко напечатано по уставу константинопольския великия церкви и святыя горы, — и он на той книге подписал своею рукою: «не хошу лгать на великую церковь и на святую гору Афонскую». В другом месте Медведев говорить: «все поведают книги правлены с древних греческих и словенских харатейных рукописных книг, а ни одна книга новоисправленная, яко служебник и иные, с древними греческими рукописменными и с древними же словенскими харатейными книгами может обрестися во всем согласна; но всякая имать, яко от древних греческих рукописных и славянских харатейных, тако и от славянских печатных и от Киевских и с новопечатными у немец греческими же книгами, разгласна. А еже далее правят, то вящше пременения по своим прихотям творят и тем православный народ смущают». Но кто же были те «коварнии чловецы», которые, обманув Никона, стали править наши книги не по древним греческим и славянским, как хотел Никон и как решили соборы, а по греческим новопечатным у немец? На это нет прямого ответа у Медведева. В разных местах своего сочинешя он глухо заявляет: «неции духовнии оставяще (славянские) оные правые харатейные древния книги, которые с древними харатейными книгами сходны, по нихже вси святии россиястии Богу угодиша и благодать Его божественную себе чудотворения прияша, оставивше, возлюбили новые греческия у немец печатные книги и с тех, вновь переводяще, и то неискусными переводчики, начата, не справя и подлинно не осмострися, печатати, и того ради едва не всядневно в книгах пременностию православный народ смущати. От ихже такового смущения, Бог весть, колико тем сот душ православных погибе... Нынешнии духовнии, еще замечает Медведев, сами ко известии священного писания и древних святых отец неискуствующе, яже вещи от российского народа по

обычности древней хранятся, обаче тии не суть противни Богу, ниже вере святей, ниже древним греческим рукописным и словенским книгам, но тем согласны; они же, являющиеся быти мудры и новым у немец печатным греческим книгам последующе, старые правые греческия и славянския харатейные и на бумаге писменные книги, по которым древнии наши святии отцы спасошася, презирают и многия хулят. А иже им о сем правду глаголет, и они правды слышати не хоцут. Ибо (а праведно рещи не есть сие грех) во истину самые правды и сами не знают, точно честию своею величаются и не хоцут неведения своего людем ради себе стыда объявити, но точию повелевают всем себе без всякого разсуждения, оставя правду, их, неправая мудрствующих, слушати; и всегда от всякия правды, противу которой противитися не могут, защищаются Христовым словесем, иже рече: *слушай вас, мене слушает, а отменяяся вас, мене отменяется*. А в чем подобает их людем слушати, того они не изъявляют, и теми словесы Христовыми неискусных человек в разсуждении неправедно устрашают». По заявлению Медведева тогда были безумные «неции духовнии», которые признавали неправыми не только книги московской печати, но «и вси наши древнии книги славянския харатейные», так как они будто бы неправильно и неискусно ранее были переведены, почему-де и следует держаться греческих книг и новых русских переводов с них.

Таким образом Медведев, который сам был справщиком в течении десяти лет (1679—1689), решительно заверяет, что наши церковные книги при Никон, и в последующее время, правились будто бы исключительно только с новопечатных греческих венецианских изданий, причем Медведев указывает и самый греческий подлинник, с которого при Никон правили служебник. Этот греческий евхологий, венецианского издания, действительно и сейчас находится в московской синодальной библиотеке.

Но если при Никоне действительно, как уверяет Медведев, служебник исправлялся только по одному печатному венецианскому изданию, причем будто бы вовсе не принимались во внимание древние греческие и славянские рукописи, то каким же образом могло случиться, что Никоновский служебник, исправленный с одной только определенной печатной греческой книги, явился однако не одинаковым в разных изданиях, которые разнятся между собою? Паисий Лигарид и Одоевский, посланные к Никону в Воскресенский монастырь, от имени государя говорили ему: «для чего ввел в мир великий соблазн — выдал три служебника и во всех рознь, и в церквах от того несогласие большое?» Противники книжных исправлений Никона постоянно и настойчиво указывали на то обстоятельство, что при Никоне и после его «было шесть выходов служебников и что все они разнятся между собою». Это показывает, что при исправлении служебника никоновские справщики производили справку не с одной только какой-нибудь определенной печатной греческой книги, так как, при таком условии, разные выпуски одного и того же служебника не могли бы разниться между собою, но были бы одинаковы. Книжные справщики служебника издания 1655 года, в предисловии заявляют, что они «от греческих и славянских книг *истинное избрание* (т. е. сделав выборку) и сию святую книгу служебник» напечатали. Книжные справщики в никоновском служебнике 1658 года, второго издания, на листе 693-м, делают такое

заявление: «ведомо убо будет вам всем, яже от Бога рукоположением архиерейским освященным, яко в прежних изданных из печати служебниках, аще и не печатася стих: благословен грядый во имя Господне, иже глаголется в литургии, но внегда (воздвигнув честную чашу) рещи диакону или священнику: со страхом Божиим и верою приступите, — и сие. убо не забвением или нерадением не напечатася, *но зане в греческих переводах, от нихже сия книга преведеса и исправися, не напечатано.* Сего ради и мы оставихом. Егда же разсмотрим от книги толкования литургии, собранного Иоанном иереем Нафанаилом, новопреведенные с греческого языка на словенский и напечатанные в царствующем граде Москве, в лето 7164, идеже тамо во главе ии5, на листе 732-м пишет, наипаче же от книги самого Златоустого, идеже сочинение его литургии бяше, тамо обретохом о сем писано, яко подобает глаголати. Сего ради и мы, в настоящих сих служебниках положихом, *совершенно ведуще, яко никакоже подобает оставляти*». Книга Увет говорить, что «святая книга служебник исправися соборне со истинным свидетельством с древних святых отец, восточная церкви и русских наших чудотворце в харатейных письменных книг добрых переводов, по нихже сами святии чудотворцы служили... А с которых древних книг наших русских чудотворцев исправися чин служебника, и тии zde во свидетельство полагаются: во первых, Антония Римлянина, препод. Варлаама Хутынского, архиепископов — Иоанна, Евфимия, Серапиона новгородских чудотворцев служебники, по них же сами служиша. К сим же святого Киприана митрополита Московского и всея России, писанный на хартии его рукою служебник, великого чудотворца Серия Радонежского обители харатейный служебник, Иова первого московского патриарха со златыми письмены, Иосифова монастыря ламского служебники, но zde, множества ради, оставляем». Кроме того Увет, по gm или другим частным случаям, не раз указывает, какие именно греческие и славянские книги имелись в виду при тех или других частных исправлениях. Например, он говорит: «а тропари по херувимской песни в великую субботу напечатаны тако со многих греческих и славенских харатейных старых книг, триодей и служебников. А в коих писано то zde полагается: книги греческая: триодь постная и цветная в полдесть, писана отселе за триста тридесять осмь лет, в лето 6852, принесена и положена в соборную церковь Фотием митрополитом московским и всея России, в ней в великий пяток на вечерни тропарь — благообразный Иосиф, конец его писан: *закрыв положи*. Такожде пишет в греческом письменном в служебнике, по херувимской песни, в литургии Златоустове, окончание тогоже тропаря: *закрыв положи*. И паки в русских служебниках обретается: Евфимия новгородского чудотворца, писанного в его лета, отселе за 244 лета, по Херувимской песни, конец того тропаря: *закрыв положи*. И паки в служебник иосифова монастыря волоцкого того же тропаря конец: *закрыв положи*. И во всех старых книгах греческих и славянских стоят тропари такожде». Или, напримр, Увет замечает «и в древних греческих требниках письменных и печатных, и в славянских харатейных и сербских и киевских требниках, писано согласно, против новоисправленных требников, а не от себе исправихом, но последующе древнему обычаю святые церкви и грамматическому разуму святых отец». В другом месте Увет говорит: «клеветницы и возмутители церкви святые глаголят хульная на догматы и предания святых отец: еже в день пятидесятый вечера глаголют ектения великая и молитва Духа святого оставлена, лгуще на святую церковь.

Слышите, окаяннии слепцы и блазнителие, о сем свидетельства: древния святых отец уставы, и требники и триоди: книга требник харатейный греческий, писана в лнта 6856 царя православного Иоанна Контакузина, и на его имя подписать. И второй требник греческий древний письменный, принесенный от святых горы Афона, такожде и триоди и уставы греческия, принесенные от святых горы Афона, и русския уставы харатейные и требники, в нихже сим переводом ектения и молитвы во всех согласно обретаются, якоже в новопечатных, понеже со оных древних предреченных святых книг исправишася сии наши новопечатные старые книги, по истине добре и достоверне, со многим свидетельством». Исправляли книги, по уверению Увета, руководствуясь тем общим правилом, что из старых разных книг выбирали лучшее — *«что в коей старой книзе, лучшее разумение от многих судится быти, то полагается в печатную книгу»*.

Очевидно, что дело книжных исправлений, как при Никоне, так и после него в ближайшее время, велось таким образом: печатный венецианский греческий служебник (или другая церковная книга), и ради удобства и необходимости, и так как он печатался венецианскими православными греками тоже с каких либо древних проверенных списков, и, главным образом, потому, что не пользовался доверием всей православной греческой Церкви и ею употреблялся в обычной церковной практике, принимался нашими справщиками за основной текст, и перевод его составлял первую редакцию, которая клалась в основу исправления наших печатных книг. Затем эта первая редакция, т. е. перевод с греческого издания, подвергалась проверке древними греческими и славянскими списками, причем она претерпевала разные более или менее серьезные изменения и переделки, привносимый в нее по указаниям древних греческих и славянских списков, и это делалось в большей или меньшей степени при каждом новом выходе книги, от чего и произошло то, что разные выходы служебников, как при самом Никоне, так и после него, оказывались между собою не совсем сходными, всегда один выход служебника чем-нибудь разнился от другого, полного единства между ними не было. Значит, хотя при Никоне наши церковные книги действительно исправлялись с печатных венецианских изданий, однако последние подвергались у нас проверке древними списками греческими и славянскими, на основаны чего делались отступления от греческого печатного текста, с которым, поэтому, наши новоисправленные книги не всегда и не во всем сходились. Слабая сторона подобного способа исправления книг при Никоне, и вскоре после него, заключалась в том, что не выработано было никаких руководящих определенных начал, никакого определенного плана и метода для ведения книжных исправлений, которыми бы могли руководствоваться в своих работах книжные справщики. Все дело справы велось как-то случайно, на основании случайного находящегося в данную минуту под руками справщиков материала, отчего необходимо являлась неустойчивость и рознь в книжных исправлениях за разное время. Справщики проверяли переводы венецианских изданий ныне по одним древним спискам, завтра по другим, ныне находили нужным внести в исправляемую книгу из древних списков одно, а завтра другое. Правда, они из старых книг избирали, по их мнению и убеждению, только лучшее, и это находимое лучшее вносили в наши новоисправленные книги. Но что такое было действительно лучшее в разных старых греческих и славянских списках, из которых

каждый служил только отображением данного времени и места? Так как ничего руководящего определенного в этом отношении установлено и дано не было, то одному справщику казалось в старом лучшем одно, а другому — другое, почему одни справщики, как лучшее, вносили в новоисправляемые книги одно, а другие потом заменяли это другим, по их убеждению еще более лучшим. Личному усмотрению и разумению книжных справщиков, хотя и по неизбежной необходимости, так как в справе не было настоящего авторитетного главы и руководителя, давалось слишком много места, а это неизбежно вело к соблазнительной неустойчивости самой книжной справы. При таких, порядках, очевидно, чем более проходило времени, тем большее количество появлялось изданий одной и той же книги, несогласных между собою, и самое количество этих несогласий с течением времени все более увеличивалось. Это замечали все, все этим обстоятельством очень смущались и соблазнялись, тем более, что на него постоянно и неустанно указывали противники книжных никоновских исправлений, как на очевидное для всех доказательство, что русские церковные книги в действительности не исправляются, а только портятся. В интересах церкви и самого дела, так или иначе, нужно было прекратить соблазн. Не нашли для этого иного выхода, как решительное запрещение всяких дальнейших попыток исправлять книгу служебник, которая раз навсегда должна была печататься впредь только в одной определенной редакции, уже недопускающей в себе никаких дальнейших перемен и изменений. Именно, собор 1667 года постановила «книга служебник, якоже прежде исправися и печатася, и ныне при нас прилежно свидетельствовася от всего освященного собора и печатася в лето 7176-е, тако же и впредь Да печатают, и никто же да не дерзнет отныне во священнодпствие прибавити что или отъяти, или изменить. Аще и ангел (по нас) будет глаголати что ино, да не имате ему веры».

Уже одно то обстоятельство, что исправление наших церковных книг производилось при Никоне по печатным греческим венецианским изданиям и при том так, что различные выходы служебника все разнились между собою, было достаточно для того, чтобы вызвать в известной части русского общества противодействие новоисправленным книгам. Но это противодействие должно было еще более усилиться в виду того, что Никон поручил книжную справу между другими и очень подозрительному в глазах русских старцу греку Арсению. Ко всем вообще греческим выходцам, переселявшимся в Москву, русские относились подозрительно, так как эти выходцы характером жизни и деятельности в Москве нередко производили на русских очень неблагоприятное впечатление. Все большинству русских казалось в них подозрительным: их ученость, полученная в латинских школах; самое их православие, видимо пошатнувшееся под влиянием латинского воспитания; их частная и общественная жизнь, во многом не согласная с представлениями русских об истинно благочестивой и строго православной жизни; вся их деятельность, определявшаяся иногда очень нечистыми побуждениями и вожделениями. Не даром конечно, Неронов взывал к царю: «и паки молим тя, государя, иностранных иноков, кроме Богом избранных истине не развратников, коих истине ругателей, и ересем вводителей, в совет прияти не буди, дондеже, государь, искусными мужи искусиши житие их. Зрим бо в них, государь, ни едину от добродетелей: Христова

бо смирения не имут, но сатанинскую гордость, и вместо поста многоядение и пьянство любят, вместо же, еже Христа истаяти тело, мягкость и буйство любят» и пр. Но если уже все выходцы греки в глазах многих русских были очень подозрительны, то тем более, конечно, был подозрителен книжный справщик Арсений грек. Он был воспитанник греческой иезуитской коллегии в Риме, имевшей специальною целию воспитывать греков униатов, каким, вероятно, сделался и Арсений. Он, хотя бы временно и невольно, но все-таки принимал мусульманство. Как ушат, он жил некоторое время при дворе польского короля Владислава. Про него иерусалимский патриарх Паисий писал государю, что Арсений «прежде был инок и священник и, шед, бысть бусурман, и потом бежал к ляхам и, бысть у них, учинился униатом, и имеет на себе великое злое безделие, и распросите его добре и будете обрести вся». Этот донос патриарха на Арсения грека вполне подтвердился собственным сознанием самого Арсения, почему он и сослан был в окопах в Соловецкий монастырь, при чем царским указом игумену и братию Соловецкого монастыря повелевается, сосланного в их монастырь на вечное житье за еретичество греченина чернеца Арсения, держать в Соловках в земляной тюрьме, в крепости. Понятно после этого, почему Неронов, уже при начале книжных никоновских исправлений заявлял, что исправление русских книг никак не следует поручать таким сомнительным лицам, «яков оный лукавый чернец Арсений, о нем же патриарх иерусалимский писал к тебе, государю, из Путимля, что он, Арсеней, еретик, велел его остерегать. А ныне он, Арсеней, взят к Москве и живет у патриарха Никона в келье, да ево и свидетеля, врага, поставляет, а древних великих мужей и чудотворцев свидетельство отметаает и ложно нарицает». Этот упрек Никону, что он доверенным книжным справщиком у себя сделал во всех отношениях подозрительного Арсения грека, был справедлив, не потому конечно, что Арсеней был действительный убежденный еретик и мог сознательно вносить какие либо ереси в русские церковные книги, или каким-нибудь образом портить их, но потому, что против него лично существовали очень сильные, на фактах основанные подозрения, Никоном не уничтоженные, вследствие чего Арсеней, действительно мог служить соблазном для многих русских. В интересах успеха своего дела Никон обязан был принять во внимание совесть тех немощных, которых крайне смущало доверие патриарха к уличенному в неправославии и сосланному за еретичество на вечное житье в Соловки Арсеню. Но Никон, по обычаю, не обращал никакого внимания на существовавшие в существовавшие в обществе подозрения и обвинение против Арсения, не постарался их разъяснить и опровергнуть, и потому деятельное участие Арсения в книжных Никоновских исправлениях послужило потом одним из главных оснований для противников реформам Никона признать новоисправленные книги еретическими, так как, говорили они, ведомый всем еретик Арсений грек внес в них, под видом и справ летя, свои ереси.

Таким образом уже одна, так сказать, внешняя постановка книжных исправлений при Никоне, именно, что книги исправлялись по греческим печатным венецианским изданиям, что разные выпуски их разнились между собою, что их исправление совершалось при деятельном участии такого подозрительного и ненадежного человека, каким, в глазах многих, был Арсений грек, помимо самого характера исправления, давала основание противникам реформы Никона предполагать в его исправлениях только порчу

русских книг, думать, что в них внесены разные новшества и даже ереси. Но раз уверенность в этом возникла, после, предубежденному взгляду, уже нетрудно было найти подтверждение своих подозрений в самых новоисправленных книгах. Всякое новое в них несогласное с старым место, неточность, темное, мало понятное выражение, типографская ошибка, собственное недоразумение и недомыслие, легко можно было объяснять в смысле ереси; во что бы то ни стало хотели найти в новоисправленных книгах ереси, и, конечно, находили их и даже очень много, о чем подробно мы скажем ниже.

По поводу книжных исправлений при Никоне невольно и сам собою возникает вопрос: каково было личное участие самого Никона в книжных исправлениях? Если мы для ответа на этот вопрос обратимся к предисловию первого новоисправленного служебника, изданного в 1655 году, где подробно излагается история возникновения у нас книжных исправлений при Никоне, то отсюда окажется, что главным инициатором и действительным исполнителем всех книжных исправлений был сам Никон патриарх: ему первому пришла мысль о порче наших книг, о необходимости их исправление по древним славянским харатейным спискам и древним греческим, и что он Никон первый начал исправлять наши книги с древних славянских и греческих. Но это известие предисловие к служебнику 1655 года исторически во всех отношениях неверно. Мы уже видели, что служебник при Никоне исправлялся с печатного греческого венецианского издания, а не с древних греческих и славянских книг, так как последнее по самому существу было дело невозможное. Если же и прибегали тогда к древним славянским и греческим спискам, то только в частных отдельных случаях, когда возникали какие либо недоумения по частным вопросам, так что справа по древним спискам вторгалась, так сказать, в справу по венецианским изданиям, только частично. Несправедливо исторически и другое утверждение предисловие к служебнику 1655 года, что мысль исправлять русские церковные книги прежде всего возникла у Никона, и что именно он был действительным инициатором книжных исправлений у нас. На самом деле, как мы видели, мысль исправлять наши церковные книги по греческим возникла гораздо ранее патриаршества Никона у царя и его духовника, протопопа Стефана Вонифатьевича, что они, еще в патриаршество Иосифа, уже подготовили средства для книжных исправлений, вызвали, для этой цели в Москву, ученых тевлян, оставили в Москве, с этою же целш, Арсея грека, приехавшего к нам вместе с иерусалимским патриархом Паисием (в 1649 г.), и еще при Иосифе уже кое-что в наших книгах начали исправлять с греческих, и даже переводить с них в видах книжной справы. Так, по свидетельству Медведева, в его Оглавлении книг, кто их сложил, уже в 1649 году Епифаний Славинецкий, по поручению правительства, перевел с греческого языка на славянский литургии Иоанна Златоустого. Значит, Никон вовсе не был инициатором наших книжных исправлений, он, сделавшись патриархом, принял, так сказать, это уже подготовленное до него дело по наследству, и только более энергично, широко и решительно продолжал то, чему начало было положено еще до него.

Лично сам Никон о своем отношении к книжным исправлениям делает заявления в трех нам известных случаях. В письме, к приехавшему в 1662 году в Москву Паисию Лигариду,

Никон писал: «монахи три некие прокляти, еже хулят святое исповедаше православные веры(присланного нам от святейшаго Паисея константинопольскаго и вселенского патриарха, и о святейлиторгии и о иных божественных таинствах вражду творят, *что нами поправлено во святей церкви с советом и благословенным братии нашей вселенских святейших патриарх; и ничто же собою мы что либо когда восхотихом приложити или отъяти от церкви когда, чрез каноны святого вселенского 3-го собора*». В 1663 году Паисий Лигарид и боярин Одоевский были посланы государем в Воскресенский монастырь к Никону, где, между прочим, говорили ему: «для чего он ввел в мир великий соблазн, выдал трои служебники, а во всех рознь, и в церквах от того учинилось несогласие большое? — И патриарх сказал: ныне-де поют так, кто как хочет, а то де все чинитца от непослушания; а что де в книгах он речи переменял, *и он де то переправливал по письму и свидетельству вселенских патриархов*». В грамоте Константинопольскому патриарху Дионисию, в 1666 году, Никон о книжной справе пишет: «ищем и держим вся и наипаче греческия законы и догматы. И о сем писах прежнему всесвятейшему и вселенскому патриарху кир Паисию о святем совете и о прочих церковных уставах, и прияхом от него на вся ответную книгу, *и по ней исправляем вся почину, яко же есть обычай во святей восточной церкви*. И сего ради посылахом со мною казною во святой град Иерусалим, и к царствующему граду, и во святую гору Афонскую, ради святых древних книг, и принесоша нам не меньше пятисот, яже суть писаны за 500 и за 700 и за тысячу лет, *и сице от сих божественных книг благодатию Божию преведеса и исправися у нас*. И они сие называют новыми уставами и мои Никоновы догматы».

Из приведенных заявлений Никона, сделанных им в разное время и очень различным лицам, оказывается, что Никон, по его собственному сознанию, производил церковные исправления с совета и по указаниям восточных иерархов, руководствовался в этом деле присланной ему константинопольским патриархом Паисием книгою «Скрижаль», а также древними, собранными по его поручению на востоке, греческими книгами, с которых у нас будто бы делались переводы, по которым и правились наши книги. Д'ялая эти заявления о произведенных книжных исправлениях Никон, с своей точки зрения, был вполне прав. Лично сам он производил исключительно только церковно-обрядовые реформы, касавшиеся церковных чинов и обрядов, и производилих действительно по совету и указанием восточных иерархов. Мы знаем, из записок Павла Алепского, что Никон просил антиохийского патриарха Макария делать ему указания во всех тех случаях, когда Макарий что либо найдет в русском чине и обряде неправильное т. е. несогласное с греческою церковною практикою. Никон нарочно заставлял Макария совершать по-гречески некоторые церковные действия и службы, и крайне внимательно к ним присматривался, иногда держа в руках русский служебник и непосредственно сличая его с действиями служащих антиохийцев, так что Никон на различных богослужебных действиях Макария, который прожил у нас почти полных два года и постоянно участвовал в совершении разных церковных служб, практически-наглядно изучал греческие церковные чины и обряды, которых он не мог изучать по книгам, так как совсем не знал греческого языка. Полученные таким наглядно-практическим путем сведения о греческом церковном чине и обряде, Никон немедленно прилагал к делу, т. е. сейчас же производил

перемены в русских чинах и обрядах, поскольку они были несогласны с греческою практикою, и эти перемены вносились потом справщиками, конечно по указаниям Никона, в новоисправленные служебники. Значит, Никон имел полное право говорить о себе, что он производил у нас церковные исправления действительно по совету и указанием восточных иерархов, которые, и помимо Макария и гораздо ранее его, тоже уже не раз «зазирали» Никона за отступление в некоторых церковных обрядах и чинах от тогдашней греческой церковной практики.

Но Никон в своих заявлениях заверяет не только в том, что он производил свои церковные исправления по совету и указаниям восточных иерархов, но что он пользовался еще в этом случае и древними греческими рукописными книгами, с которыми он справлялся при своих исправлениях. И это заявление Никона в известном отношении тоже справедливо. Мы уже ранее говорили, что Никон, найдя в одной греческой древней книге, принесенной с Афона, что водоосвящение в день Богоявления совершалось в древности только однажды, немедленно отменил ранее практиковавшееся у нас двукратное водоосвящение. Против этого распоряжения Никона очень горячо и энергично восстал патриарх Макарий, доказывая Никону, что двукратное освящение воды принято на всем православном востоке и что русским никак не следует изменять этого всеобщего православного обычая, которого до самого последнего времени и они сами держались. Но Никон остался при своем, он более верил свидетельству древней греческой книги, чем указаниям Макария и тогдашней греческой церковной практики, когда она расходилась с практикою древней греческой церкви. Вероятно, были и другие подобного рода случаи, когда Никон наводил справки в древних греческих и славянских книгах и следовал в своих исправлениях их указаниям, а не греческому печатному евхологию, на основании которого Макарий делал свои указания Никону. В этом отношении очень любопытное известие находится у Шушерина, который был подьяком Никона, близким и преданным ему человеком, и мог поэтому в своем сообщении служить отголоском воззрений на дело самого Никона. Шушерин, в своем «Известии о рождении и о воспитании и житии святейшего Никона патриарха», заявляет, что Никон думал исправлять и действительно исправлял все с древних греческих и славянских книг, так как он, а согласно с ним царь и собираемые соборы, «вся старописанные греческия и славянския книги рассмотривши, обретоша древния греческия письменный с ветхими славянскими книгами во всем согласующаяся. А в новых греческих печатных книгах, с греческими же и ела донскими древними, многая несогласия и погрешения». [Шушерин о книжных исправлениях Никона сообщает следующее: «Святейший патриарх Никон, слыша от многих на славянския книги укоризненные словеса, яко с греческими не согласуются, хотя оны укоризну отъяти, советова с великим государем и со священным собором, еже бы вси книги церковные исправити с старых греческих и российских харатейных книг, и во всех словесах и чинех и устав'ьх с греками согласит; а о нужных и недомых вещах послати ко святейшему вселенскому патриарху, и к прочим, и во святыя горы—Аеонскую и Синайскую. И благочестивый царь, похвалив патриаршее благорачительство. повелел о том собор собрати, и всех российских архиереев, архимандритов, и игуменов и протопопов в царствующий град призвав, общим согласием утвердити. Сошедшимся же

всем, и то дело благоключимо быти рассмотревше, постановиша книжная погрешения с древних греческих харатейных и с русских исправить, и в чинех благопотребных по древнему уставу согласити, и о нужных и недоведомых вещах к святейшим патриархом и во Афонскую и в Синайскую горы послати. И то свое согласное о исправлении книг постановление — благочестивый царь и святейший патриарх, и прочие архиереи, и весь освященный собор — руками своими, в лучшее утверждение того дела, переписаша. И по совершении оного собора, немедленно святейший патриарх, ради того исправления, повелел отвсюду из древних книгохранилищ древние греческия и славянския харатейные книги собрати, и искусным и благоговейным мужам, имущим от Бога дар чистое от недостойного пзводити, тв книги разсматривати, и погрешения от неискусных переводчиков и от переписующих исправляти, и о нужных и недоведомых вещех, благочестивый царь и святейший патриарх, послаша ко вселенскому патриарху и к прочим православным патриархам письма с греком Мануилом. На яже письма вселенский патриарх Паисий, сотвори же собор, и главизнами на нем содеянными о всехписанных к ним, благочестивому царю и благочестивому патриарху ответ дающе, соборное прислаша в лето 7163 е. во всем повелевающе последовати древних великих православных восточных церкве учителей писанием сущих в ветхих книгах греческих и словенских. А к святейшему патриарху в грамоте своей восписа сице: преблаженнейший и святейший патриарше высочайшия Москвы, и всея земли российския, кирие, кирие, еже есть господи, господи, Никон во святом Дусе возлюбленный брате и сослужебниче нашего смирения, о нем же писаста нам, даем ответ, преблаженнейший брате: да исправится якоже лепо, понеже Бог просвети тя во времена ваша, да очистятся вся неудобная и да исправятся, о нем же радуюся: жив Господь Бог, и имам тя писана в души моей за достоинство и разум, его же дарова тебе Господь. И воистину зело похвалихом преблаженство твое, еже не престае испытывати и искати о душеполезных и спасительных вещех церковных, яко истинен пастырь и верный строитель Божий, пекийся устроити и духовне словесное свое стадо чистою и нетленною и твердою пищею. И во всем совершати последоваше и всякое священнодеяние по чину великия церкве, да не едино разинство имамы, яко чада истинная единые и тояжде матере, восточная апостольския соборная великия церкве Христовы: и да не едину вину обрегают, скверная еретическая уста оглаголати нас о некоем разнстве, но да стоим в истинном согласии тверди и непоступни и прочая. И тако благочестивый царь и христоролюбивый патриарх от вселенскаго Паисия патриарха о всех написанных ответ приемше. и соборное оное деяние прочетше. и сим к большому благих желанию воздвигшеся, и сущие в России греческия и славенския ветхие книги на исправление недовольно мняще, изволиша, со мною своею милостынею, старца Арсения Суханова послати во Афовскую гору и во иные святыя старожительная места, да оттуду своя ради богатые милостыни старописанные книги притяжут. И сему сбывшуся, и принесоша из святыя Афонсмя горы книг зело древних, на греческом языке писанных, числом пять сот. Еще же александрийский, аттиохийский, иерусалимский — святейшие патриархи, и архиепископ пекский и патриарх сербский, и халкидонский и архидонский митрополиты, и иные мнози от православных стран, писанием из царствующаго града Москвы прошени, не менее двоя сот книг различных древних святых прислаша. И тако благочестивая и богомудрая двоица, великий государь

царь и великий князь Алексей Михайловичу вся великая и малые и белые России самодержец, и великий государь святейший Никон патриарх московский и вся великия и малые и белые России, оные священный книги совокупивше вся во едино, и довольно лежащая в них рассмотривше, и Божиим вседержительным манием, соединившем их в любовь, движими целости ради непорочных догмат. И еще к вящшему утверждению о том же паки в царствующем граде Москве в патриархии собор сотвориша, и беша на том соборе: Никон, Божиею милостию государь святейший патриарх московский, Макарий патриарх антиохийский, Гавриил патриарх сербский, с митрополиты, и со архиепиекопы, со архимандриты и игумены, и со всем освященным собором. И тамо от святейшаго вселенскаго Паисия патриарха присланное соборное деяние, пред ся принесше, с усердием почтоша и судиша е право, и от Духа святаго составлено быти, и вся старописанныя греческия (писменныя) и славееския книги рассмотривше, обретоша древния греческия письменныя с ветхими славянскими книгами во всем согласующася. А в новых греческих печатных книгах, с греческими же и славянскими древними, многая несогласие и погрешения. Судиша книги согласити, и исправити во всем с древними, греческими рукописными книгами, да всяк православный, неведения и сопротивных благочестию погрешений и еже оттуду находящая козни избегнув, во истинном разумении и не зазорном с греческими письменными книгами, и в них лежащими законы, согласном мудрствовании поживет zde в многолетном благополучии, в будущем же веце в безконечной радости и наслаждении, аминь» (Рук. моек, духовн. акад. № 218, л. 15 и 16).

Приведенное сообщение Шушерина о книжных исправлениях при Никоне важно не по своей фактической стороне, которая во многом неверна, но по той грандиозной идее, какую Шушерин вкладывает в Никоновские книжные исправление. По его представлению оказывается, что у вас будто бы задумано было грандиозное и крайне важное для всего православного мира предприятие: собрать в Москву решительно со всего древнего православного востока все те древние церковно-богослужебные по преимуществу книги, какие только тогда возможно было собрать, и на основании этого подлинного православного материала, взятого из христианской старины, исправить или вернее: составить новые русские Церковные книги, более совершенные, чем тогдашние печатные греческие книги, создать книги, годные для всех православных, ревнующих и о своем земном благополучен и о своем будущем вечном спасении. Но если бы у нас тогда действительно и были такие грандиозные замыслы, то, в то же время, несомненно, что у нас тогда не было ни сил, ни умения, ни средств привести их в исполнение.]

Если верить этому заявлению Шушерина, то оказывается, что Никон скептически относился к тогдашним греческим печатным книгам, производил их проверку с древними греческими и славянскими рукописными книгами, и эта проверка привела его к тому заключению, что новые печатные греческие книги во многом несогласны ни с древними греческими книгами, ни с древними славянскими, и что в новых греческих печатных книгах находятся многие погрешения. И этот вывод был правилен в том, конечно, смысл, что греческие печатные книги действительно во многом не сходились с древними

греческими же рукописными, а также и славянскими харатейными книгами. А что по поручению Никона у нас могли, хотя частично и в некоторых отдельных случаях, проверять греческие печатные книги древними, дело вполне естественное, возможное и допустимое. Никон нарочно посылал на восток Суханова приобретать там древние греческие и славянские книги, на что затрачены были им большие деньги. Конечно эти книги приобретали на востоке вовсе не для того, чтобы свалить их, как ненужные вещи, где либо в кучу и вовсе в них не заглядывать, а ими несомненно очень интересовались, их рассматривали и из некоторых, уже ради удовлетворения простого и столь естественного любопытства, несомненно делали хотя бы частичные переводы, которые и сопоставлялись с переводами с греческих печатных книг. Когда, при таком сличении находили несогласия между ними, то преимущество и предпочтение давалось древним книгам пред новыми, причем эти несогласия естественно отнесены были у нас к погрешениям новых печатных греческих книг, а не к тому обстоятельству, что они печатались с других списков, принадлежавших к другому времени, нежели к какому принадлежали древние списки, бывшие тогда под руками у русских.

Что Никон был уверен, будто при нем наши книги действительно исправлялись с старых греческих книг, и что он признавал только таким образом исправленные книги для себя обязательными, это как нельзя более ясно видно из следующего обстоятельства: в январе 1665 года к Никону, в Воскресенский монастырь, были посланы царем чудовский архимандрит Иоаким и дьяк Дементий Башмаков, которым Никон заявил, что он готов совсем оставить патриаршество, и признать нового патриарха, кого выберут, но только на известных условиях, которые и были им написаны. В них, между прочим, Никон обязуется: «держати ми, живучи в тех монастырях (т. е. в построенных им: Воскресенском, Иверском и Крестовом), во всякое же исправление заповеди Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, святое Его евангелие, заповеди и правила святых апостол и святых отец седми вселенских соборов, такожде и поместных святых отец соборов, и особь коегождо святого святыя книги и уставы,, такожде и святой символ исправленный с грека благодатию святого Духа и советом и единением и со святыми вселенскими патриархи; такожде и церковные уставы, преданные святой церкви святыми отцами, то есть — святую литоргию или общим словом нареши *служебник и требник и прочия святыя книги справлены с старых с греческих святых книг*, чин и устав снабдевати святыя восточные церкви нового Сиона, иже есть церкви воскресения Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, иже во Иерусалиме, и имети ми любовь и единение со святыми вселенскими патриархи во всем неотложно». Эти условия, на которых Никон готов был оставить патриаршество, царь передал на рассмотрение собора, черновые записи которого дошли до нас. Собор, по вышеприведенному пункту обязательств Никона, согласился с ним, но как бы сомневаясь, что Никон станет употреблять и книги, исправленные с греческих печатных, сделал от себя, к обязательству Никона, следующее очень важное и существенное дополнение: живучи в тех монастырях, святейшему Никону патриарху держати вся предания православная и книги исправленные с старых греческих книг и символ, како исправился при нем и имети любовь и единение со вселенскими патриархи во всем неотложно. Священный же собор рече: *аще что и впредь*, за повелением

великого государя, и за благословением святейшего патриарха московского и всего священного собора, *с греческих книг исправится, и ему, святейшему патриарху Никону, и те книги приимати и по ним славословие и чины церковные исправляти*». И так Никон, с своей стороны, заявляет, что он обязуется признавать и употреблять «служебник и требник и прочие святыя книги справленные с старых с греческих святых книг», а следовательно, отказывается признавать книги справленные просто с греческих печатных книг. Так это и понял собор 1665 года, почему и счел необходимым от себя добавить, что бы Никон взял на себя еще обязательство признавать и употреблять книги исправленные, и в будущем имеющие быть исправленными, просто с греческих книг, т. е. с печатных греческих венецианских изданий. Впоследствии патриарх Иоаким писал архимандриту Кириллова монастыря, в котором заключен был Никон: «а книги держать ему, Никону, почему церковная и келейная управлять, *только правильные печатные*», предполагая, очевидно, что Никон мог не принимать и не употреблять тогдашние наши исправленные книги. Значит, Никон действительно был убежден, что книги при нем исправлялись «с старых с греческих святых книг», почему он и хотел признавать и употреблять только таким образом исправленные книги.

Но, с другой стороны, несомненно и то, что служебник, например, был переведен при Никоне с греческого печатного венецианского издания, и этот перевод лег в основу Никоновского исправления служебника, так что и при Никоне исправление книг совершалось не только «с старых греческих святых книг», но и с печатных греческих. Медведев заявляет, как мы видели, что Никон вовсе не знал последнего обстоятельства, так как он был будто бы обманут лукавыми людьми, которые уверили его, что они исправляют все по старым греческим и славянским книгам, тогда как в действительности исправляли с греческих венецианских печатных изданий. Нам это дело, как мы уже говорили, представляется несколько иначе. Хотя сам Никон действительно думал, что исправленные при нем книги обязательно проверены древними греческими и славянскими книгами, но он, конечно, хорошо знал, что в общем это дело при нем велось так, что книжные справщики сначала делали перевод с греческих печатных книг, и брали этот перевод как первую основную редакцию, и уже потом справлялись с древними греческими и славянскими книгами, и на основании их вносили в первую редакцию разные перемены и поправки. Никакого обмана, о чем говорит Медведев, тут, очевидно, не было, а дело велось как находили удобнее и успешнее вести его справщики, которые в этом случае пользовались значительною свободой и самостоятельностью. Лично сам Никон производил только обрядовую реформу и этой церковно-обрядовой стороной реформы по преимуществу, и почти исключительно, интересовался. Но к самой книжной справе в тесном смысле, к самому тексту книжных исправлений, Никон не имел, да и не мог иметь, прямого непосредственного отношения. Никон совсем не знал греческого языка, не мог читать греческих книг, а следовательно не мог сам следить за справкою с греческих книг и поневоле все это дело должен был доверить своим справщикам, предоставляя им в этом отношении полную свободу, почему справщики и вели самостоятельно дело переводов, как они находили это для себя лучше, удобнее и, по их соображениям, продуктивнее. Шушерин поэтому по поводу говорит, что Никон, собравши

старые греческие и славянские книги, поручает «искусным и благоговейным мужам, имущим от Бога дар чистое от недостойного изводить, и могущим с еллиногреческого языка на славянский переводить, те книги разсматривати и погрешения от неискусных переводчиков и от пеписующих исправляти и вся выписовати», т. е. говорит, что Никон, в книжной собственно справе должен был всецело, по незнанию им греческого языка, положиться па избранных им справщиков, которые собственно и вели все дело справы, помимо личного, непосредственного участие самого Никопа. Этим конечно объясняется, почему справщики вину тех или других возможных погрешностей при исправлении какой либо книги прямо берут на себя. В послесловии, например, к ирмологиону 1657 года справщики говорят: «изследивши с греческих текстов преложихом на славянский диалект ново», но что переводом они очень спешили, так как им мешали другие дела, почему в издании возможны и погрешности, невольно ими допущенные. Значит, Никон к книжной справе в собственном смысле не имел прямого непосредственного отношения, а стоял от нее несколько в стороне, и не смотрел на нее как на свое только личное дело, за которое бы отвечал он лично, тем более что производимые при нем книжные исправления, обыкновенно одобрялись целыми соборами русских иерархов, а также и присутствовавшими на этих соборах восточными иерархами.

В первые годы своего патриаршества Никон заявил себя самым убежденным и завзятым реформатором — грекофилом. Он не только исправлял русские церковные обряды, чины и книги по греческим, не только публично и торжественно заверял, «что хотя он русский и сын русского, но его вера и убеждения греческие», но он в тоже время переносить к нам греческие амвоны, греческий архиерейский посох, греческие клобуки и мантии, греческие церковные напевы, приглашает в Москву греческих живописцев, мастеров серебряного дела, строит монастыри по образцу греческих, приближает к себе разных греков, слушает их, действует по их советам и указаниям, всюду выдвигает на первый план греческий авторитет, отдавая ему решительное преимущество пред вековою стариною, пред русскими всеми признаваемыми доселе авторитетами. При взгляде на эту страстную, ни пред чем не останавливающуюся грекофильскую деятельность Никона реформатора, так и кажется, что Никон задался грандиозной идеей сделать из Москвы, в церковном отношении, вторую Византию, перенеся из последней все ценное церковное в Москву. Он как будто мечтал воскресить в Москве былые времена процветания греческого православие, когда благочестивые греческие цари, вместе с святыми патриархами, собирали соборы, обсуждали и решали на них всевозможные выдвигаемые жизнью церковные вопросы, делами на них обязательные для всех постановления, издавали законы, которые и теперь так чтутся всеми православными. Благодаря именно ему — Никону казалось, Москва станет действительным третьим Римом, ни в чем, при этом, не разрывая с остальным православным востоком, а только, чрез церковно-богослужбное объединение, теснее соединившись с ним, и став его действительною всестороннею опорю, а вместе главою и руководителем. Но в действительности ничего этого не было, а было совсем другое, указывающее на крайнюю неустойчивость и изменчивость самой грекофильской реформаторской деятельности Никона, который, к концу своего патриаршества, как-то охладел к своей реформе, и даже как будто изменил свои прежние

Раз Неронов, явившись к Никону, с которым он, было, помирился, говорил ему: «иностранные (греческие) власти наших служебников (т. е. старопечатных до исправления их Никоном) не хулят, но и похваляют». И патриарх рече: «обои де добры (т. е. старопечатные и новоисправленные) — все де равно, по каким хочешь, по тем и служишь». И Григорий рек: «я старых де добрых и держуся». И взял благословение отъиде». Но этого мало. 21 января 1658 года, во время всеобщей, в московском Успенском соборе, Никон приказал троеить аллилуию и прибавлять «слава тебе Боже». Неронов, бывший тут же в соборе, стал сильно укорять за это Никона и указывал ему на известное житие св. Евфросина псковского. «До чего тебе, патриарх, думутить Росию? говорил Неронов Никону. С кем ты советовал, и какое свидетельство произносишь четверишь аллилуия? У нас, в Велицей Росий, преподобный Ефросин псковский много трудився, сниская о сих, и у вселенских патриарх был, вопрошая о вещи сей, и яко же предаша ему тии, сице и той zde в Велицей Росии нам предложи. Бог же забвению труды его не преда, но знаменми и чудесы прослави его, якоже и прочих великих святых». И патриарх рече: «Вор-де, б... с... Евфросин!» И Григорий рече: «Как таковая дерзость, и как хулу на святых вещаешь? — услышит Бог и смирит тя!» «И доколе старец Григорий был на Москве, умолил протопопу з братиею, в соборной церкви, на клиросах чтобы не четверить аллилуия. Тии же послушаща старца, говорили аллилуия на клиросах по дважды, в третье: слава тебе Боже. Патриарх же ничтоже им глагола, точию подъяк, псалтырь говоря, заповедание патриархово говорил — четверил аллилуия. По вся же дни старец, и до поездки, приходил в соборную церковь, и аллилуия на крылосах протопоп и з братиею говорили подважды, и до поездки старцрвы».

Очевидно в конце концов грекофильствующий реформатор Никон пришел к тому верному убеждению, что старые и новоисправленные им книги, чины и обряды, одинаково добры, что для веры и благочестия безразлично, будут ли служить по старым служебникам или по новоисправленным, будут ли троеить или двоеить аллилуию. Но если старые и новоисправленные книги, чины и обряды одинаково добры, одинаково безразличны для веры и благочестия, то какой же собственно смысл имела реформаторская деятельность Никона, направленная на переделку этих «добрых» чинов и обрядов нашей церкви и сопровождавшаяся ссылками, заточениями, обличениями в ереси и анафематствованиями все тех, кто не хотел отказаться от этих добрых старых книг, чинов и обрядов, не хотел признать их неправыми, непозволительным новшеством? Разлад между Никоном, торжественно заявляющим о настоятельной необходимости исправления русских книг, так как он содержать в себе неправые, нововводные чины, и Никоном, признающим, что старые служебники так же добры как и новоисправленные, что будет безразлично служить по тем или другим служебникам, — разлад слишком очевиден и устранить его нет никакой возможности, если мы не признаем, что Никон, под конец своей патриаршей деятельности, заметно изменил свой взгляд на смысл и значение своих собственных реформ. Несомненно во всяком случае одно, что Никон, после самой напряженной и кипучей реформаторской деятельности, в которой он

проявил столько энергии, увлечения и пыла, стал относиться к своим собственным реформам как-то безучастно и равнодушно. На это могла иметь влияние его продолжительная, упорная, но, в конце концов, не совсем удачная борьба с кружком ревнителей благочестия, все более заметная перемена в его личных отношениях к царю, а главным образом вероятная перемена в его личных взглядах на значение в делах веры и благочестия того или другого обряда, перемена, очень естественная в человеке умном и восприимчивом, посвятившем этому делу несколько лет деятельности, и, отчасти путем собственных размышлений и невольного изучения, отчасти благодаря своему частому обращению с лицами научно образованными, пришедшему к верному убеждению, что старые и новые служебники одинаково добры, что можно служить по тем и другим, так как это дело совершенно безразличное для веры и благочестия. Как бы то ни было, но только под конец дело церковных исправлений не стояло уже у Никона на первом плане, не было для него тем живым, насущным делом, в которое бы он вкладывал всю свою душу, в котором бы он видел главную задачу своей патриаршей деятельности. Никон хорошо видел, что противники его реформ нетерпеливо ждут того времени, когда новый патриарх будет переделывать все, им сделанное, и однако из личного только самолюбия он сам оставляет патриаршую кафедру, не смотря на очевидность, что этим поступком он окончательно развязывает руки всем врагам своих реформ, открывает свободный путь для их враждебной его делу деятельности. Проживая, после своего удаления с патриаршества, в Воскресенском монастыре, Никон деятельно занимался монастырскими постройками, деятельно вел тяжбы из-за монастырских имений, вел живую и энергичную полемику с своими личными врагами, зорко высматривал все покушения на его патриаршее достоинство, на оставленную им добровольно патриаршую власть, словом был крайне внимателен и чуток к личным своим интересам, к своему до болезненности раздраженному самолюбию, а что бы он хотя сколько-нибудь интересовался оставленным им на произвол, без всякой защиты, делом церковных исправлений, его дальнейшею судьбою и течением, это ни откуда не видно. От Никона, по удалению его с патриаршей кафедры, осталась довольно значительная переписка с царем, письма к некоторым другим лицам, очень обширное сочинение против Паисия Лигарида, в котором он подробно говорит о своих отношениях к царю, о тогдашнем общем положении церковных дел, о русских архиереях, о церковном суде, о церковных и монастырских имениях и пр., но нигде даже ни разу он не упоминает и не вспоминает о своих церковных реформах, как будто это дело его вовсе и не касается, даже как будто такого дела вовсе и не было. Проживая в Воскресенском монастыре Никон прекрасно знал, что из-за произведенных им реформ теперь всюду идет на Руси страстная, ожесточенная борьба, происходят всюду распри, разделения, в русской церкви видимо быстро нарождался раскол, и что главному и лучшему делу его патриаршества невидимому суждено окончательно рухнуть под дружным и ожесточенным напором его врагов. Все это не мог не видеть Никон, и однако он ни одним словом не откликнулся на разрастающуюся борьбу из за его церковных исправлений, не сделал ни одного шага, не предпринял ни одной меры, что бы оберечь, защитить главное дело своего патриаршества. Все время, по оставлении им патриаршей кафедры, Никон оставался холодным, совершенно безучастным зрителем все более широко разгоравшегося пожара

из за его церковных исправлений; он, очевидно, теперь уже не считал этого дела близко касающимся его лично, и потому не находил для себя возможным не только бороться, но и просто беспокоиться из за него. Но только индифферентным отношением к делу своей церковной реформы Никон не ограничился.

Известный противник церковной реформы Никона, дьякон Федор, делает такое любопытное заявление: «по сем Никон, по многом обличены от многих отец, позна свое блуждение в вере, и отрекся патриаршества своего в соборной церкви пред народом, и отъиде в монастырь свой, и посем в Валдае в Иверском монастырь и завел свою друкарню, тут же населившася иноцы Киевопечерскаго монастыря: *и повелел им тут печатать Часовники по старому уставу и обычаю, и тии Часовники. его видгх аз, по его благословению печатные тамо мелкими словами в четверть листа, в нихже уже: и в Духа Святого Господа истиннаго и животворящаго, и прочая вся в них по-старому слово в слово*». Говорят, что Часовник, напечатанный патриархом Никоном в Иверском монастыре по старому, а в символе с внесением слова *истиннаго*, сохранился до настоящего времени и его можно найти в книжных собраниях некоторых частных лиц, любителей и собирателей старопечатных книг. Мы, с своей стороны, не могли найти и видеть этого Часовника, но это не может и для нас служить основанием заподозрить справедливость приведенного свидетельства дьякона Федора. Дело в том, что и сам Никон в одном случае свидетельствует, что в его Иверском монастыре действительно печатались книги не исправно т. е. по-старому, а не против новоисправленных книг. В своей грамоте к архимандриту Иверского монастыря Дмонисю, в июне 1658 года т. е. только за один месяц до оставления им патриаршей кафедры, Никон пишет, чтобы они прекратили допечатание кутеинских Псалтырей потому что те Псалтири неисправны. «И как к вам сия наша грамота придет, и вы б, по нашему великого государя указу, тех кутеинских Псалтирей допечатывать и выдавать не велели, *тем казны не собрать*, а велети б вам вновь завести печатать иная какая книга, Аввы Дорофея, или иная какая.». Значит, в Иверском монастыре уже решили было печатать Псалтири по-старому, но Никон запретил это делать, но не потому однако, чтобы он был против вообще печатания псалтырей по-старому, а единственно потому, «что *тем казны не собрать*», т. е. что старопечатными книгами теперь нельзя выручить затраченные на их печатание деньги, так как он не найдут себе на книжном рынке покупателей, от которых правительство требует, чтобы они обзаводились новоисправленными книгами, а старые, как ненужные, оставляли. Никон смотрит здесь на печатание старых книг чисто с хозяйственно-коммерческой точки зрения, с точки зрения материальной выгоды или потери от этого предприятия. Но с удалением Никона с патриаршего престола обстоятельства в этом отношении сильно изменились. Большинство теперь стало думать, что с уходом Никона и все его реформы и книжные исправления будут уничтожены, все останется по-старому, а значит, в ход пойдут по-прежнему и старые книги, которые, конечно, теперь находили хороший сбыт на рынки, тогда как торговля новоисправленными книгами естественно должна была остановиться. В виду этих обстоятельств в Иверском монастыре, по-прежнему находившемся в ведении Никона, начинают печатать церковные книги по старому и, конечно, делают это с согласия Никона. Так в 1661 году в Иверском монастыре

была напечатана книга: *«Брашно Духовное, сиречь: псалмы, молитвы, пения, благодарение и каноны и прочая, от многих книг собранные, зело нужные и душеполезные. В монастыре общежительном Иверском, иже на святе Езере, в строении святейшаго Никона патриарха новотипом издася. Лето от создания мира 7170, от рожества же Господа нашего Исуса Христа 1661, индикта 15, месяца октоврия в 19 день»*. Эта книга была напечатана согласно с старыми книгами, а не с новоисправленными. Например: «чин како подобает пети псалтырь». — «Аще иерей начни: благословен Бог наш... Аще же ни, рци: за «за молитв святых отец наших, Господи *ИсусеХристе Сыне Божий*, помилуй нас, аминь». В каноне «за едино умершаго» на отпуске говорится: «Господи *Исусе Христе Сыне Божий*, молитв ради пречистая ти Мати»... Повсюду «во веки веком». «Отче наш... и остави нам долги наша яко *и мы* оставляем... и *невоведи* нас во искушение»—«Свете тихий... *ИсусеХристе пришедшу солнцу* на запад... Сыне Божий живот даяй *всему миру, его же ради весь мир* славит тя.» — «Богородице дево радуйся *обрадованная* Марие... яко родила еси *Христа Спаса*».— «Честнейшую херувим и славнейшую *воистину* серафим.» — «Что ты наречем, *о обрадованная*, небо...»— «Покаяние отверзи ми двери *жизнодавче*: утренюет бо дух мой к *церкви святей .своей, церков* нося телесную, всю оскверненную, но яко щедр очисти, *благоутробными си милосердием*». Символ веры: «Верую во единого Бога... И во единого Господа *Исуса Христа*... рожденна, анесотворенна... и нашего ради спасеша *сошедшого со* небес и воплотившагося от Духа свята и *Мария* девы... *Распята* же за ны... и воскресша во третий день по писаниих... Его же царстви» *несть* конца». Впрочем и новоисправленные книги при самом Никоне и в правительственной типографии издавались иногда с некоторыми отступлениями в пользу старого. Так, например, в *Трирди Постной*, издания 1656 года в чине: «в пяток вечера память совершаем все от века усопших православных христиан и братьий наших» на стр. 23 значитса: «аллилуиа, аллилуиа, слава тебе Боже 3-жды», после песни: «радуйся чистая, Бога плотию родшая во спасете всех... аллилуиа, аллилуиа, слава тебе Боже 3-жды», т. е. в обоих случаях предписывается по старому двойть, а не тройть аллилуиа на стр. 122. «священник: *за молитве* святых отец наших». В *Ирмологионе*, 1657 г., после богородична: «жизнодавца рождьши... аллилуиа, аллилуиа, слава тебе Боже 3-жды» (на стр. 574). Значит, не только в Иверском монастыре некоторые книги издавались, с согласие Никона, по старому, но и в новоисправленных книгах, выходявших при Никоне из правительственной типографии, принцип исправления старого проведен был не со всею строгостью.

Никон, в последнее время своего патриаршества, а потом по оставлении им патриаршей кафедры, не только признавал старые и новые служебники одинаково добрыми, допускал совершать службы по тем и другим, позволял печатать в Иверском монастыре по старому, но в конце концов он даже принципиально заподозрил свои собственные реформы. Все церковные исправления Никона имели смысл и значение под условием признания авторитета восточных патриархов и признания неповрежденности тогдашних греческих печатных книг. Но Никон, во время соборного суда над ним, отверг то и другое, вследствие чего необходимо стал в отрицательное отношение к своим же собственным реформам. Во время соборного суда над ним, Никон заявил, что патриархи

александрийский и антиохийский, присутствовавшие тогда на соборе, не могут быть названы настоящими, законными патриархами, так как александрийский не живет в Александрии, а антиохийский живет в Дамаске. А между тем, как мы знаем, большую часть своих церковно-обрядовых реформ Никон произвел именно по совету и указаниям антиохийского патриарха Макария, на авторитет которого он тогда постоянно указывал и опирался. Что же в таком случае значили эти реформы, если они произведены были Никоном по советам и указаниям Макария, незаконного, ненастоящего патриарха? — При Никоном, как мы видели, наши книги прежде всего исправлялись с греческих печатных книг. Но когда, во время соборного суда, против Никона приведено было одно правило из греческой книги, его осуждающее, то Никон резко заявил на соборе: «греческие правила не прямые, их патриархи от себя написали, а печатали их еретики», и затем опять настойчиво повторил: „греческие правила не прямые, печатали их еретики». Конечно это заявление Никона можно объяснять его крайней тогдашней раздраженностью против его судей — патриархов, можно видеть в нем только необдуманные слова пылкого, несдержанного человека. Но можно объяснять дело и иначе. Все греческое в глазах Никона было хорошо только до тех пор, пока греки льстили ему, всячески угодили и пресмыкались перед ним, пока они оправдывали и одобряли все его реформаторские действия, а он, опираясь на них, играл видную и эффектную роль реформатора русских церковных порядков. Как же скоро те же самые греки враждебно коснулись самого Никона, из льстецов и угодников превратились в грозных и не податливых его судей, а реформаторская его деятельность подверглась всяким пересудам, толкованиям и проверкам; грекофильства Никона как не бывало, он уже судит и рядит как истый старообрядец: восточных патриархов называет не настоящими патриархами, греческие печатные книги — неправыми, так как их печатают еретики. Никон, видимо, не смотря на свое громкое заявление: «хотя я русский и сын русского, но моя вера и убеждения греческие», на самом деле, по своим истинным убеждениям, всему духовному складу своей личности и симпатиям, продолжал всегда оставаться завзятым тогдашним русским; все его грекофильство было у него явлением очень непрочным, как бы искусственным, привитым к нему со стороны. Как же скоро обстоятельства изменились, его прежние друзья и поощрители в грекофильстве превратились в его решительных врагов и Никон был, так сказать, предоставлен только самому себе: в нем и сказался тот действительный, настоящий Никон, от которого не раз слышали ранее, как он говорил: «гречане-де и малые России потеряли веру и крепости и добрых нравов нет у них, покой да и честь тех прельстила, и своим де нравом работают, а постоянства в них не объявилось и благочестия ни мало».